

Астанина Елена Анатольевна**Astanina Elena Anatolyevna**

кандидат исторических наук, доцент, доцент
кафедры отечественной и всеобщей истории
Тихоокеанского государственного университета

PhD in History, Associate Professor,
Department of Russian and World History,
Pacific National University

ПРОБЛЕМЫ ШКОЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И БОРЬБЫ С НЕГРАМОТНОСТЬЮ И МАЛОГРАМОТНОСТЬЮ НА ЮГЕ СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В КОНЦЕ 1930-Х ГГ.

PROBLEMS OF SCHOOL CONSTRUCTION AND THE FIGHT AGAINST ILLITERACY AND SEMI-ILLITERACY IN THE SOUTH OF THE SOVIET FAR EAST IN THE LATE 1930S

Аннотация:

В статье на основе архивного материала рассматриваются проблемы школьного строительства и кампания по борьбе с неграмотностью и малограмотностью населения на юге Дальнего Востока в конце 1930-х гг. В конце 1930-х гг. определяющим фактором партийно-государственной политики являлось сосредоточение всех ресурсов страны на завершении индустриализации в ущерб социальному сектору. В результате система образования на Дальнем Востоке, как и в целом по стране, развивалась в условиях острого дефицита кадровых, материальных и финансовых ресурсов. Реализация кампании по борьбе с неграмотностью на региональном уровне значительно отставала от государственного. Главными причинами были недостаток квалифицированных педагогических кадров, принцип остаточного финансирования, а также объективные социально-экономические особенности развития Дальнего Востока.

Ключевые слова:

Дальний Восток, социальная политика, кампания по борьбе с неграмотностью и малограмотностью населения, всеобщее обучение, школьное строительство, культурная революция, молодежь, комсомол, советская власть.

Summary:

The study considered the problems of school construction and literacy campaign of the Soviet state in the south of the Far East in the late 1930s based on the archival documents. In the late 1930s, the concentration of all resources of the country on the completion of industrialization to the detriment of social sector was the determining factor in a party state policy. As a result, the education system in the Far East, as well as countrywide, developed in the context of an acute shortage of personnel, material, and financial resources. The literacy campaign implemented at the regional level considerably lagged behind the state. The lack of the qualified teaching staff, the principle of residual financing, and the objective social and economic features of the Far East development were the main reasons.

Keywords:

Far East, social policy, literacy campaign, universal education, school construction, cultural revolution, youth, the Komsomol, Soviet power.

Неграмотность значительной части населения в СССР в 1930-е гг. являлась важной социальной проблемой, решение которой было необходимо для дальнейшего экономического развития страны и советского общества. Лозунг о всеобщей грамотности в рамках провозглашенного культурного строительства должен был способствовать пополнению армии рабочих, необходимых для форсированной индустриализации. Главным объектом кампании по борьбе с неграмотностью и малограмотностью стали преимущественно огромные массы крестьянства.

Реализация социальной политики на Дальнем Востоке в конце 1930-х гг. проходила в рамках общесоюзной, без учета региональных особенностей. В это время шел процесс завершения формирования модели советской социальной политики. Между тем социально-экономические особенности региона, с которыми столкнулась советская власть в начале 1920-х гг.: пограничный режим, удаленность от центра, отсутствие развитой инфраструктуры и путей сообщения, поздняя советизация, повышенные по сравнению с другими районами страны темпы расслоения крестьянства и высокий удельный вес наемного труда в сельском хозяйстве, значительное место иностранного капитала в экономике, острый недостаток квалифицированных кадров, низкий общеобразовательный и культурный уровень населения – определили специфику последующего развития Дальнего Востока.

Советская историография акцентировала внимание в основном на положительных моментах политики культурного строительства, в рамках которой проходила кампания по борьбе с неграмотностью и малограмотностью населения [1]. Однако, как свидетельствуют документы, оценка этого курса не может быть однозначна. Его успехи и трудности зависели от соответствующих настроений советских граждан и от работы советских исполнительных органов на местах,

претворявших эту политику в жизнь. Хотя в общем можно согласиться с мнением, что большинство людей признавали положение о том, что власть помогает населению стать более культурным [2], а потому в конце 1930-х партийно-государственный аппарат находил поддержку своих мероприятий, особенно со стороны молодежи.

Начиная со второй половины 1930-х гг. большее внимание начало уделяться образованию взрослого населения, которое в силу различных жизненных обстоятельств его не получило. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16 января 1936 г. «О завершении ликвидации неграмотности» определило особое значение этого направления. Местные власти должны были ликвидировать неграмотность среди взрослого населения в подведомственных им областях и регионах до конца 1937 г.

28 февраля 1936 г. Далькрайисполкомом (ДКИК) было принято постановление «О работе по обучению неграмотных и малограмотных в крае», по которому на ликвидацию неграмотности населения в возрасте до 50 лет выделялось из средств местного бюджета 12,6 млн р. [3]. Ответственность за решение этой проблемы ложилась на органы народного просвещения и комсомол. Следствием постановления было проведение учета неграмотных и малограмотных для переобучения, а также направление в деревни и села специально созданных бригад юношей и девушек – комсомольцев.

7 апреля 1937 г. Далькрайком ВЛКСМ установил контрольные цифры по обучению взрослых в среднеобразовательных школах на предстоящий учебный год. Всего по краю было запланировано охватить учебой 18 120 человек, из которых 11 050 человек городского населения и 7 070 – сельского [4].

Таблица 1 – Охват образованием взрослого населения по городам и областям Дальневосточного края на 1937/38 учебный год, чел.

Область, город	Город	Село
Приморская	3 000	1 200
Уссурийская	1 300	1 700
Хабаровская	1 650	1 000
Амурская	1 400	1 850
Зейская	750	250
Нижне-Амурская	350	150
Еврейская автономная	500	420
Сахалинская	700	200
Камчатская	500	200
Комсомольск-на-Амуре	700	100
Колыма	200	–

Согласно разверстке по областям, самый большой охват приходился на Приморскую и Уссурийскую области – по 4 200 и 3 000 человек. При этом значительная его доля отводилась на городское население (за исключением Уссурийской и Амурской областей), так как в сельской местности общее состояние школ было крайне неблагоприятным, а дефицит педагогических кадров приобрел к этому времени хронический характер.

Плохо велся учет количества малограмотных и неграмотных в сельской местности, причем не только представителей взрослого населения, но и допризывников и подростков, о чем свидетельствуют доклады обкомов ВЛКСМ о работе комсомола в области ликвидации неграмотности и малограмотности. Не случайно бюро Далькрайкома ВЛКСМ 25 мая 1937 г. отметило бездеятельность Хабаровского обкома в данной работе и постановило послать в села группы комсомольского актива и подобрать на работу учителями по ликбезу 50 комсомольцев [5]. Следует отметить, что разница в охвате обучением городского и сельского взрослого населения была характерна для всего Союза. Согласно статистическим материалам «Обучение взрослых в неполных средних и средних школах по СССР», в 1937 г. в сельской местности обучалось 175 тыс. человек, а в городах – 350 тыс. Подобная тенденция сохранилась и через год: около 200 тыс. против 400 тыс. обучающихся соответственно [6].

К концу 1937 г. общая грамотность населения Дальнего Востока старше 8 лет определялась в 81,8 %, оставшиеся проходили переобучение. Однако необходимо учитывать, что 1–1,5 месяца обучения в ликпунктах в деревнях давало не более чем элементарные навыки письма, счета и чтения, в то время как «ликвидационные бригады» по возвращении из поселков и деревень, куда они были направлены, констатировали полную ликвидацию неграмотности [7].

В 1938 г. бюро Хабаровского обкома ВЛКСМ отметило, что меры, обозначенные в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О завершении ликвидации неграмотности», в течение 1937 г.

не выполнялись, работа по ликвидации неграмотности взрослого населения Хабаровской области развернута недостаточно, в сельских районах Хабаровской области из 2 843 человек обучено и обучается всего 1 145, из 1 398 малограмотных обучается 1 072, а секции по ликвидации неграмотности не работают или вовсе не созданы, как в Некрасовском сельсовете Хабаровского сельского района и Пушкинском сельсовете Вяземского района [8]. Главными причинами подобного положения были отсутствие поддержки на местном уровне со стороны властных структур, органов народного образования и формальный подход к исполнению задач, при котором качество полученных знаний было низким.

Кроме того, режим экономии за счет сокращения непроизводительного потребления, заложенный еще в программу индустриализации, существенно затруднял выполнение плановых установок по всеобщему обучению и ликвидации неграмотности. Несмотря на целевое финансирование кампании, как было показано выше, средства на социальные нужды начиная с 1935 г. начали сокращаться в пользу расходов на экономические преобразования и оборону в связи с ухудшением международной обстановки. В августе 1938 г. на социально-культурные мероприятия было выделено всего 12 148 млн р. (10,6 %), в то время как на развитие народного хозяйства и обороны было направлено 47 212 млн р. (40,9 %) и 27 044 млн р. (23,5 %) [9].

Таким образом, система образования как часть социальной политики финансировалась по остаточному принципу. Недостаточное финансовое обеспечение создавало серьезные препятствия в вопросе всеобщего обучения и ликвидации неграмотности и малограмотности как взрослого населения, так и школьников от 8 до 15 лет.

Другой причиной неполного охвата населения в борьбе с неграмотностью и малограмотностью, как и в предшествующие годы, продолжало оставаться недостаточное количество образовательных учреждений. Решением этой проблемы были призваны заниматься исполнительные комитеты на местах и органы народного просвещения. Характерными являются материалы по итогам проверки Бикинского райисполкома в 1937 г. В документах отмечалось отсутствие помощи со стороны отдела народного образования района в вопросе строительства и поддержания удовлетворительного состояния местных школ сел Сталино, Стальное, Федосеевка, Лермонтовка, Тихоновка. В частности, «районный отдел народного образования не проявил достаточной заботы о том, чтобы построить новую школу в селе Сталино. Школа же в антисанитарном состоянии <...> Не проявил заботы об учителях, их воспитании и повышении квалификации, не обеспечивает школы тетрадями, в результате чего учащиеся многих школ были вынуждены писать на газетах» [10].

Подобную обстановку фиксируют и другие официальные документы. Так, в докладной записке того же года заместителю председателя Дальневосточного крайисполкома М.П. Вольскому «О состоянии строительства Архангельской начальной школы Кур-Урмийского района Хабаровской области» зафиксированы «хаотическое состояние» в отчетности бухгалтерии, злоупотребления со стороны ответственных за строительство, расходы средств не по назначению, такие как постройка кинотеатра [11]. Естественным решением проблем, выявленных в ходе проверки, стало требование председателя исполнительного комитета Хабаровского областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Облисполком) и по совместительству заведующего Хабаровского областного отдела народного образования (облоно) Л.И. Вьюшкова о срочной ликвидации всех недочетов.

О неудовлетворительном состоянии школ и их острой нехватке свидетельствуют «Контрольные цифры капитального строительства в районах Хабаровской области на 1938 г.», которые определил Хабаровский облисполком. Было решено построить новую начальную среднюю школу на 220 мест в селе Георгиевское района им. Лазо в связи с тем, что в начале 1937 г. здание школы сгорело и 368 учащихся временно занимались в непригодных домах. В селе Переяславка района им. Лазо было запланировано строительство средней школы на 400 мест из-за невозможности старой школы вместить 810 учащихся, даже при условии ее работы в три смены. По направлению просвещения также было определено построить средние школы на 400 мест в селе Вяземское и поселении Бикин [12].

Помимо средних школ, было запланировано строительство начальных школ: на 160 мест в селе Ракитное, на 30 мест в национальном селении северных народов удэ Санчихеза Постышевского района, на 30 мест в национальном селении народов Севера нанайцев Талакан Кур-Урмийского района (в селении насчитывался 21 человек школьного возраста, при этом расстояние до ближайшей народной школы составляло 200 км, до русской – 78 км), на 30 мест в селе Джермен Кур-Урмийского района и на 400 мест в селе Троицкое [13].

В рамках культурно-просветительской работы было намечено построить «два единственных дома колхозников в Новопокровке как глубинном новом районе и в Троицком как в северном национальном районе» [14], а также «дома соцкультуры в Переяславке, Троицком, жилой дом учителей в Имане» [15].

Насколько были реализованы планы, свидетельствует переписка по вопросам школьного строительства в Хабаровской области между представителями краевых и областных органов. В письме председателю ДКИК П.К. Легконравову от 3 марта 1938 г. Л.И. Вьюшков сообщил, что школьное строительство по области так и не было начато, за исключением школы в городе Имане. Председатель Хабаровского облисполкома отметил, что «особенно это относится к намеченным объектам строительства, находящимся в северных районах (Санчихеза, Джермен, Болонь, Верхний Нерген)». Главной причиной невыполнения плана, по мнению Л.И. Вьюшкова, являлось «затягивание с получением средств» [16], которое и привело к срыву школьного строительства и ремонта существующих школ.

Согласно сводке о ходе школьного строительства по Хабаровской области и. о. заведующего Хабаровского облоно Вахрушина, на 20 октября 1938 г. из вышезапланированных контрольных цифр было выполнено: на 65 % строительство начальной средней школы на 280 мест в поселке Вяземская, на 100 % – начальной школы на 80 мест в селе Санчихеза, на 72 % – начальной школы на 280 мест в Бикине. Помимо заявленных строек, было начато и выполнено на 98,5 % строительство начальной школы на 400 мест в городе Имане, на 40 % – начальной школы на 160 мест в поселке Корфовский и на 98 % – на 80 мест в селе Верхний Нерген [17].

Если обратиться к статистике, то в сети школьного образования к середине 1938 г. удалось добиться определенных результатов. На 15 сентября 1938 г. на Дальнем Востоке (в границах Приморского и Хабаровского краев, включая ЕАО) насчитывалось 2 450 школ, в которых обучалось 357 537 учащихся и работал 10 931 учитель [18]. Но даже при этом «недоохват» всеобщим обучением школьников, преимущественно сельской местности, определялся на конец 1937-го – начало 1938 г. в 8 000 чел. [19].

Примечательно, что ход строительства школ был ускорен после смещения ряда руководителей областных и районных исполкомов весной – летом 1938 г. В материалах о работе советов Хабаровской области для доклада на областном совещании работников советов и исполкомов области (11–12 сентября 1938 г.) сообщается, что «враги народа орудовали в аппарате советов (Вьюшков – председатель облисполкома; Проценко, Самар, Пикулев – председатели райисполкомов), принимали все меры к тому, чтобы дискредитировать указания партии и правительства, извратить Сталинскую Конституцию, тормозили рост активности масс в управлении государством, создавали пренебрежительное отношение к задачам оргмассовой работы советов» [20]. В этих же материалах отмечалось, что «одним из худших сельсоветов является на Черной речке (тов. Титов), а также Рождественский сельсовет Калининского района, где ликвидация неграмотности не проводилась, изба-читальня за всю зиму ни разу не была открыта» [21].

Уже 3 ноября и. о. заведующего Хабаровского облоно Вахрушин в письме новому председателю Хабаровского облисполкома С.Д. Чихуну [22] просил оказать содействие в организации нового педагогического училища в Хабаровской области, необходимого для подготовки и переподготовки работников народного образования, а также в вопросе закрепления освобождающихся помещений в Бикине за отделом народного образования [23].

Новый виток показательных судов над «врагами народа» продемонстрировал последствия бездействия назначаемых на руководящие посты советских политработников. Подобный метод устрашения, как и ранее, подкреплялся соответствующими директивами. Характерным примером в данном случае было обсуждение на заседании бюро Хабаровского областного комитета ВЛКСМ еще в конце января 1937 г. телеграммы секретаря ЦК ВЛКСМ А.В. Косарева, которая обязывала секретарей горкомов и райкомов комсомола немедленно начать организацию во всех первичных организациях, в том числе во всех школах, а также среди несоюзной молодежи «обсуждение и глубокое разъяснение материалов процесса над антисоветским троцкистским центром, поднимая на основе этого революционную бдительность комсомольцев и молодежи» [24].

Однако кардинально изменить ситуацию не удавалось и подобными мерами. Возвращаясь к проблеме ликвидации неграмотности, рассмотрим статистические данные, фиксирующие состав и работу секций сельсоветов Хабаровской области. Так, на 1 июля 1938 г. в Хабаровской области насчитывалось 69 секций по ликвидации неграмотности и малограмотности с охватом в 208 человек, из них реально работала 41 секция, в которой практическую работу вели 81 человек из 208 числящихся. При этом за полгода ситуация не изменилась, даже стала хуже. По данным на 1 января 1938 г., количество секций сократилось до 75, из них работали только 35, а осуществляли работу секций 78 человек из 255 числящихся [25]. Таким образом, даже смена руководителей советов на местном уровне не могла повлиять на ситуацию в целом.

Провозглашение всеобщей грамотности как важнейшей социальной задачи сохраняло свою актуальность вплоть до конца 1930-х гг. Призывы борьбы с неграмотностью полностью соответствовали генеральной линии партии и были ориентированы на привлечение к ней внимания органов народного образования, местной власти и комсомольских организаций.

Однако создания разветвленной сети государственных и общественных организаций на центральном и местном уровнях для успешного проведения кампании не всегда было достаточно. Социально-экономические особенности развития Дальнего Востока, особенно сельской местности, и недостаточное финансирование социальной политики оставались главным тормозом на пути ее реализации. Несмотря на то что итоги Всесоюзной переписи населения 1939 г. объявили о 90 % грамотности среди трудящегося населения, реальность была иная. В число грамотных записывали всех, кто владел хотя бы элементарными навыками письма. Тем не менее данные переписи перевели задачу всеобщей грамотности в режим обычной, без острой социальной значимости повседневной работы органов народного просвещения, партийных и комсомольских организаций, подводя итог культурной революции, провозглашенной в первые годы советской власти.

Ссылки и примечания:

1. См.: Денисов С.Г. Борьба партии за культурное преобразование деревни. 1917–1937 : ист. очерк. М., 1981 ; Ермаков В.Т. Исторический опыт культурной революции в СССР. М., 1968 ; Иванова А.М. Что сделала советская власть по ликвидации неграмотности среди взрослых. М., 1949 ; Карпов Г.Г. О советской культуре и культурной революции в СССР. М., 1954 ; Ким М.П. Коммунистическая партия – организатор культурной революции в СССР. М, 1955 ; Куманев В.А. Социализм и всенародная грамотность. М., 1967 ; и др.
2. Fitzpatrick Sh. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. N. Y., 1999. P. 224.
3. Шестак О.И. Советская социальная политика и ее реализация на Дальнем Востоке (1922–1941 гг.). Владивосток, 2004. С. 134.
4. ГАХК (Гос. арх. Хабаров. края). Ф. П-618. Оп. 1. Д. 312. Л. 92.
5. Там же. Л. 115.
6. Культурное строительство СССР. Статистический сборник. М. ; Л., 1940. С. 91.
7. Шестак О.И. Указ. соч. С. 135.
8. ГАХК. Ф. 967. Оп. 1. Д. 10. Л. 398.
9. Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов: 1917–1959 / под ред. С.Г. Струмилина. М., 1961. С. 349.
10. ГАХК. Ф. 1508. Оп. 1. Д. 119. Л. 33.
11. Там же. Д. 120. Л. 58.
12. Там же. Д. 119. Л. 140.
13. Там же. Л. 141.
14. Там же. Л. 138.
15. Там же. Л. 142.
16. Там же. Д. 144. Л. 40.
17. Там же. Д. 145. Л. 52.
18. Культурное строительство СССР. С. 50.
19. Шестак О.И. Указ. соч. С. 135.
20. Там же. Д. 112. Л. 40.
21. Там же. Л. 46.
22. В апреле 1938 г. Л.И. Вьюшков был арестован и смещен с должности председателя Хабаровского облисполкома, а в июле Военной коллегией Верховного суда СССР осужден за участие в контрреволюционной террористической организации и расстрелян.
23. ГАХК. Ф. 1508. Оп. 1. Д. 145. Л. 39.
24. ГАХК. Ф. 967. Оп. 1. Д. 8. Л. 33.
25. ГАХК. Ф. 1508. Оп. 1. Д. 112. Л. 23.

References:

- Cultural construction of the USSR. A statistical digest 1940*, Moscow, Leningrad, pp. 50, 91, (in Russian).
Denisov, SG 1981, *The struggle of the party for the cultural transformation of the village. 1917-1937: a historical essay*, Moscow, (in Russian).
Ermakov, VT 1968, *Historical experience of the cultural revolution in the USSR*, Moscow, (in Russian).
Fitzpatrick, Sh 1999, *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*, New York, p. 224.
Ivanova, AM 1949, *That is what the Soviet government did to eliminate illiteracy among adults*, Moscow, (in Russian).
Karpov, GG 1954, *Concerning the Soviet culture and cultural revolution in the USSR*, Moscow, (in Russian).
Kim, MP 1955, *The Communist Party is the organizer of the cultural revolution in the USSR*, Moscow, (in Russian).
Kumanev, VA 1967, *Socialism and national literacy*, Moscow, (in Russian).
Shestak, OI 2004, *The Soviet social policy and its implementation in the Far East (1922-1941)*, Vladivostok, pp. 134-135, (in Russian).
Strumilin, SG (ed.) 1961, *The economic life of the USSR. A chronicle of events and facts: 1917-1959*, Moscow, p. 349, (in Russian).